

Глава 7

ОБРАЗЫ СТРАН: СВЯЗЬ С ГЕОПОЛИТИКОЙ НОВОЙ РОССИИ

Постоянно меняющиеся образы стран и регионов складываются в представлениях людей в относительно гораздо менее динамичное геополитическое видение мира, включающее его разделение на дружественные и недружественные государства, взгляды на место своей страны в мировой истории и на современной политической карте, предпочтительные модели развития, источники внешних угроз. Это видение претворяется в геополитические коды — подход отдельных людей, общества и его институтов к оценке событий в зарубежной стране, политических конфликтов и международных проблем. Геополитическое видение мира и основывающиеся на нем коды остаются относительно неизменными в течение достаточно длительных промежутков времени, которые Питер Тэйлор и другие сторонники применения теории длинных циклов мирового развития в геополитике назвали мировыми геополитическими порядками (Taylor and Flint, 2000; Колосов и Мироненко, 2001). Неустойчивость нынешней ситуации они объясняют переходом к новому порядку, опирающемуся на американскую гегемонию, проходящим в специфических условиях, которые возникли вследствие драматической геополитической катастрофы — взрывоподобного распада СССР и всего биполярного мирового геополитического порядка.

Оппоненты этого подхода, приверженцы неолиберального течения (в частности, патриарх американской геополитики С.Козн) утверждают, что никаких стабильных периодов нет. Геополитическая структура мира находится в постоянном дви-

жении: вследствие падения экономической и политической мощи одних стран и усиления других; в глобальной и региональных иерархиях государств происходит постоянная перегруппировка.

Какую точку зрения ни принять, очевидно, что дружественных стран (точнее, стран, от которых не исходит угроза) в глазах россиян много. Малознакомые страны или страны, не поддерживающие активных связей с Россией, — априори дружественные для общественного мнения. Но далеко не все из них — возможные и желательные союзники. Какие страны наши соотечественники считают союзниками и какие они хотели бы видеть в качестве таковых и, напротив, какие страны рассматриваются ими не просто как недружественные, но как источники реальной внешней угрозы? Как изменения в образах стран и затем — в геополитическом видении мира преобразуются в отношении к конкретным международным проблемам? Вряд ли на эти вопросы можно ответить в одной работе — это тема междисциплинарная и требующая длинного динамического ряда наблюдений. Однако некоторые выводы на основе опросов «Геопроекта» и других работ ФОМ можно сделать уже сейчас. Важно, как соотносится реальная «высокая» геополитика российского руководства с «низкой», с теперешним российским геополитическим видением мира.

Дружить с сильными (союзники и противники России)

Чем больше у страны союзников, тем лучше она интегрирована в мировое сообщество, тем выше ее безопасность. Судя по результатам опросов, проведенных ФОМ в 1999 и 2001 гг., доля россиян, считающих, что у нашей страны есть военно-политические союзники, увеличивается (табл. 1). В этом сказываются, конечно, не столько объективные изменения в геополитическом положении страны, сколько общее повышение степени психологического комфорта, вызванное позитивными сдвигами в экономике и политической стабилизацией после выборных кампаний 1999–2000 гг.

Таблица 1

Доля опрошенных, полагающих, что у России есть военно-политические союзники (% от числа опрошенных)

Военно-политические союзники России	Апрель 1999 г.	Ноябрь 2001 г.
Есть	44	50
Нет	30	24

Половина населения в 2001 г. была уверена, что Россия находится в дружественном окружении. Мнения о том, что России есть на кого положиться, придерживаются чаще респонденты с высшим образованием (66%) и люди моложе 35 лет (57%). Тех, кто считает, что страна окружена лишь недругами, больше среди сельских жителей (30%), мужчин (29%) и сторонников Г. Зюганова.

Кого же наши сограждане считают союзниками России? Респондентов попросили назвать эти страны, не предлагая им никакого списка. Ответы распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Мнения россиян о том, какие страны являются союзниками России (% от числа опрошенных)

Апрель 1999 г.		Ноябрь 2001 г.	
Белоруссия	21	США	14
Китай	8	Белоруссия	9
Индия	6	Германия	4
Украина	6	Украина	3
Югославия	5	Франция	3
Казахстан	3	Индия	2
Германия	1	Югославия	1
Страны СНГ	5	Страны СНГ	5

Изменения между апрелем 1999 и ноябрем 2001 г. разительны: многие россияне так долго и так истово желали улучшения российско-американских отношений, так обрадовались наметившемуся в них после 11 сентября повороту, были так довольны провозглашенным альянсом с самой мощной мировой державой, что чистосердечно записали США в союзники «пер-

вее» близкой Белоруссии. В тот же период ФОМ задал респондентам вопрос: «С какими странами, по Вашему мнению, России *следует* иметь союзнические отношения?» На первом месте опять оказались США, и с еще большим отрывом — 27% опрошенных. Вторым, с отставанием в два раза, шел Китай (14%), на третьем месте — Германия (11%). Положительно отнеслись к тому, чтобы Россия и США стали союзниками, 65% россиян, а отрицательно — только 12% (остальным это было безразлично или они затруднились с ответом).

Совсем исчез из списка главных предполагаемых респондентами союзников Китай, занимавший два с половиной года назад второе место после Белоруссии, хотя часть российских граждан по-прежнему считает сотрудничество с великим восточным соседом важнее российско-американского. Очевидно, тем не менее, что россияне хотят дружить с сильными — не с Китаем, так еще лучше с Америкой. Но не стоит забывать, что такая же доля опрошенных поместили Штаты в число стран-потенциальных врагов России. Так что отношение россиян сегодня к Америке амбивалентно: «то ли друг, то ли враг» (Петрова, 2001).

В образах западного мира и прежде всего США довольно отчетливо прослеживается структура мировосприятия Космос — Хаос, о которой уже говорилось. В ней, однако, несколько видоизменены смысловые акценты. Из-за нивелирования в современной российской культуре мессианской и духовной компоненты в образе западного мира впервые обнаруживаются черты Космоса. Упорядоченность социальной жизни в западных странах рассматривается как самодостаточный элемент миропорядка, а российский социальный хаос эмоционально приравнивается к категории космического Хаоса. Многовековой образ России, выстроенный на ее особости и духовном превосходстве над остальными нациями и народностями, в современном образе мира, лишенном вектора мессианства, оказался направленным на самое себя и приобрел черты эмоциональной компенсации (Лавренова, 1999).

Образ России как осажденной крепости, со всех сторон испытывающей давление недругов, веками культивировавшийся в стране и, надо прямо сказать, в течение длительных

исторических периодов имевший под собой достаточно реальные основания (другое дело, что нередко по вине самой же российской власти), нашел четкое проявление в восприятии внешних угроз. Существенно больше российских граждан полагают, что у России есть враги, готовые к вооруженной интервенции против нее, чем те, кто считает, что Россия не одинока в мире и у нее есть друзья и союзники. Правда, этот баланс между 1999 и 2001 гг. по причинам, о которых мы упомянули, несколько выправился (табл. 3), но тем не менее тех, кто опасается прямой военной угрозы, не становится с каждым годом меньше. Очевидно, число и набор союзников и противников страны колеблется в зависимости от политической обстановки и в существенной степени определяется медийными кампаниями, внушающими гражданам определенные представления и геополитические образы.

Таблица 3
Мнения российских граждан о наличии у России врагов, которые могут развязать против нее войну (% от числа опрошенных)

Ответ	Август 1997 г.	Апрель 1999 г.	Ноябрь 2001 г.
У России есть внешние враги	44	73	61
У России нет внешних врагов	35	15	27
Затруднились ответить	21	12	12

Резкое увеличение в 1999 г. доли россиян, считающих, что Россия может подвергнуться нападению извне, было связано с обострением балканского кризиса и бомбардировками Югославии странами НАТО. В конце 2001 г. ситуация в мире также была далека от спокойной: США вновь бомбили суверенную страну — на этот раз Афганистан, однако агрессию какого-либо внешнего врага против России наши сограждане считают менее вероятной.

Респондентов, полагающих, что внешние враги у России есть, попросили назвать страны, представляющие для нас потенциальную опасность. Их перечни, полученные в разные годы, красноречиво различаются (табл. 4).

Таблица 4
Мнения россиян о странах и регионах, представляющих для России потенциальную опасность (% от числа опрошенных)

Страны и регионы	1997 г.	1999 г.	2001 г.
США	32	48	13
Китай	17	3	2
Чечня	11	2	6
Япония	9	3	-
Афганистан	6	1	19
Германия	6	5	-
НАТО	-	16	-
Великобритания	-	6	1
Франция	-	2	-
Мусульманские страны	-	-	8
Грузия	-	-	3
Пакистан	-	-	2

США, как обычно, остаются в сознании россиян одним из основных потенциальных врагов, хотя следует подчеркнуть, что число придерживающихся этого мнения невелико — всего 13% опрошенных. Связь между взглядами на степень дружественности главной страны западной мира и негативным геополитическим кодом, приписываемым частью граждан российско-американским отношениям, очевидна. Противоречивость мнений россиян усилена тем, что советская, а затем и российская внешняя политика, а за ней и СМИ всегда различали США и их западноевропейских союзников, преувеличивая степень расхождений между ними по конкретным вопросам, хотя сами страны Западной Европы неизменно подтверждали свою приверженность трансатлантической солидарности. Понимая, что вбить клин между США и их союзниками вряд ли возможно, советская и российская дипломатия считала, что следует использовать налаженные и относительно устойчивые двусторонние отношения с западноевропейскими странами, в том числе личные, чтобы легче достичь компромисса с северо-атлантическим сообществом. Позже «самостоятельная» Европа соблазнительно вписывалась в концепцию многополярного мира, за который ратовала Россия (Кандель, 2001;

Бордачев, 2001). Не случайно Западная Европа устойчиво считается в России, в отличие от США, культурно близким соседом; показательно, что большинство опрошенных россиян заявили, что, если бы им представилась возможность совершить туристическую поездку за рубеж, то они бы гораздо охотнее отправились в одну из западноевропейских стран, чем в США.

Тем не менее доля респондентов, упоминающих Америку в качестве потенциального противника России, сократилась за четыре года почти в четыре раза. В 1999 г., в разгар балканского кризиса, многие россияне называли потенциальным врагом НАТО в целом, сейчас же Североатлантический блок в этом качестве практически не упоминается. Доля называющих Китай как возможного врага также из год от года снижается, хотя эта страна не покидает список потенциальных агрессоров. Интересно, что Чечня, будучи частью России, постоянно попадает в число потенциальных внешних врагов, которые могут развязать войну против нашей страны (Петрова, 2001).

Главная причина в том, что на общественных фобиях быстро сказались события 11 сентября, многомесячная дискуссия об их причинах и последствиях, военная кампания против талибов, подробно освещавшиеся телевидением и другими СМИ. В 2001 г. резко возросли опасения Афганистана, как источник угрозы появились Пакистан, мусульманские страны в целом и даже Грузия (явно как результат широко освещавшейся проблемы чеченских беженцев и боевиков в Панкисском ущелье). Столь разительные изменения за короткий срок — доказательство, во-первых, огромного влияния СМИ и особенно телевидения на геополитическое видение мира россиянами, а во-вторых, — его незрелости. Характерно отсутствие для большинства граждан устойчивого образа «чужого», с помощью которого конструируется национальная идентичность. Угроза извне, по мнению большинства респондентов, есть, но откуда она исходит — неясно. Грань между друзьями, союзниками, нынешними и потенциальными противниками зыбка и неопределенна. Соответственно, непонятно и место страны в мире: с кем она должна заключить союзы, чтобы этой угрозе противостоять.

Географические образы и геополитические коды

Конфликт в Косово. Идентичность, геополитические представления и отношение людей к конкретным внешнеполитическим проблемам связаны между собой далеко не прямолинейно. Сказывается органически присущие географическим образам противоречивость, использование ярких антитез, противопоставлений Космоса и Хаоса, центра и периферии. Чрезвычайно важно разделение эмоциональной компоненты образов, тесно связанной с самоотождествлением людей с определенной социальной общностью, и рациональной, касающейся материальных, долгосрочных интересов. Отношение большинства россиян к проблемам внешней политики уже не основывается на примордиалистских представлениях об общности происхождения, крови и судьбы, романтической готовности пожертвовать своими интересами во имя высоких геополитических целей — помощи «братьям-славянам», православным народам и даже недавним соотечественникам. Причин этому, вероятно, много. Важнейшие из них, безусловно, — тяжелая аномия как результат падения советского режима, а также исторические испытания, пройденные российским обществом в XX веке, связанные с кровопролитными войнами, бесконечными волнами насилия и выживанием в условиях разрухи или мобилизационной экономики. Российское общество, по всей видимости, получило устойчивый иммунитет к участию в каких бы то ни было вооруженных конфликтах. Рассмотрим связь идентичности, изменений географических образов и конкретной политики на двух примерах — отношения наших сограждан к конфликтам в Югославии и на Ближнем Востоке.

Уходят ли корнями, согласно расхожему мнению, чувства симпатии к славянским народам в XIX столетие, в панславистские настроения эпохи освобождения Балкан от турецкого владычества и в настроения панславизма, которыми было насыщено время Первой мировой войны? Насколько глубоко в российском обществе славянофильство? Или ориентация на славянское единство была лишь краткосрочным явлением, объясняющимся событиями последних лет, например, конфликтами в Косово и Македонии?

С одной стороны, вне всякого сомнения, большинство русских идентифицируют себя как часть славянского мира. Россияне довольно хорошо знают, какие страны являются по преимуществу славянскими. Ошибочных ответов набралось всего 2-4%, и еще 26% затруднились с ответом. Славянами назвали себя 68% опрошенных. Больше половины (54%) при этом полагали, что славяне отличаются от других европейских народов. При этом совсем не язык считался большинством респондентов главным отличительным качеством, а особенности сознания, обычаи, душевные качества. 78% опрошенных, т. е. больше, чем считающих себя славянами, уверены, что России следует поддерживать со славянскими странами более тесные отношения. Значительное число респондентов (22%) хотят укрепления отношений со всеми славянскими государствами. 60% опрошенных испытывают «братские чувства» к тем или иным славянским народам, и лишь 25% не испытывают. При этом 10% респондентов предлагают налаживать наиболее тесные контакты с Югославией. Только 7% высказались против укрепления связей со славянским миром.

Недавний балканский кризис российские граждане действительно восприняли чрезвычайно эмоционально. Подавляющее большинство наших соотечественников возлагали всю полноту ответственности за этот кризис на НАТО, прежде всего — на США, сочувствовали Югославии и полагали, что Россия должна энергично поддерживать ее, впрочем, ни в коем случае не доводя противостояние с Западом до порога военной конфронтации.

С другой стороны, даже в разгар балканского кризиса наши сограждане не склонны были воспринимать риторику о вечном братстве народов России и Югославии слишком буквально. Как свидетельствовали данные социологических опросов, респонденты были весьма поверхностно осведомлены о предыстории военного вмешательства НАТО, в частности, об этнических чистках в Косово, о внутривосточной ситуации в Югославии. Принципиальное значение для «среднего россиянина» имел тот факт, что Запад, проигнорировав мнение России, предпринял военную акцию против европейской страны с преимущественно славянским и преимущественно православным населением, связанной с Россией некими особыми отноше-

ниями. Очень многие восприняли эту акцию не только как жестокую и несправедливую, но унижительную для России. Подавляющее большинство респондентов усматривали в ней даже «прямую угрозу для безопасности России» (Кертман, 1999). В начале апреля 1999 г. с этой точкой зрения соглашались 70% опрошенных, не соглашались только 19%. Многие россияне полагали, что если так пойдет и дальше, США и НАТО будут диктовать Москве, как вести дела с Чечней, а потом и с другими республиками и регионами.

В июне 1999 г. 39% респондентов считали, что «Югославия долго будет помнить, что Россия — ее друг и союзник», и практически столько же (40%) придерживались противоположной точки зрения: «Югославия скоро забудет об этом». Образ югославского лидера в глазах россиян складывался далеко не идеальный: 20% респондентов относились к Милошевичу позитивно, 18% — негативно, а 40% — нейтрально.

Неожиданные ответы дали в 1999 г. россияне на вопрос о личном отношении к сербам (табл. 5).

Таблица 5

Ответы представителей разных социально-демографических групп на вопрос: «Часто говорится об особых, братских узах, связывающих народы России и Югославии — русских и сербов.

А Вы лично испытываете к сербскому народу особые симпатии или относитесь к нему так же, как к народу любой другой европейской страны?» (% от числа опрошенных)

	Россияне в целом	Пол		Образование			
		Муж.	Жен.	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Высшее
Особые симпатии	18	26	11	16	19	15	28
Как к народу любой другой европейской страны	69	64	74	61	70	74	67
Затрудняюсь ответить	13	10	15	23	11	11	5

Источник: Кертман Г.Л. Югославия: смена президента. Тема: Югославия. (<http://www.fom.ru>, 14 октября 2000).

Только 18% опрошенных заявили об особых симпатиях к сербскому народу, при том, что тезис о «братских узах», связывающих народы России и Югославии, чрезвычайно настойчиво внедрялся в массовое сознание объединенными усилиями едва ли не всего политического истеблишмента. Почти 70% россиян воспринимают сербов так же, как любой другой европейский народ.

Отсутствие ярко выраженного особого отношения россиян к сербам проявилось в дни острейшего международного кризиса в Косово. Большинство российских граждан придерживались уже традиционной для них позиции равноудаленности от участников конфликта. Так, согласно опросам ВЦИОМ, проведенным в марте-апреле 1999 г., около 40% российских граждан возлагали вину за конфликт на обе стороны — косовских албанцев и сербов (39% воздержались от ответа). Симпатии к сербам проявились гораздо слабее, чем можно было бы ожидать. На стороне сербов было лишь 14-16% опрошенных, тогда как 5-7% выступили за албанцев-косоваров. Как и при других конфликтах, даже в разгар бомбардировок Югославии подавляющее большинство было настроено решительно против военного вмешательства России, в том числе и военной помощи (63%), хотя резко осуждали военную акцию НАТО.

Показательно, что в особых симпатиях к сербам чаще признаются мужчины и респонденты с высшим образованием. Первое определенно связано с тем, что представители сильного пола гораздо решительнее, чем женщины, выступали за оказание военно-технической помощи Югославии. Мужчины демонстрировали повышенную склонность интерпретировать ситуацию на Балканах в категориях геополитического и военно-стратегического противостояния России и Запада, тогда как женщины, говоря о югославских событиях, часто подчеркивали, что они недостаточно хорошо понимают, что там происходит. Да и сегодня мужчины, обсуждая события в Югославии, чаще стремятся оперировать этими категориями — материалы фокус-групп определенно доказывают это. Так что «особые симпатии» мужчин к сербам во многом сопряжены с традициями «боевого братства» двух

народов, имеющими, безусловно, историческую основу, но искусственно актуализированными в последние годы. Иначе говоря, эти симпатии обусловлены *представлениями об общих противниках, которым надлежит противостоять совместно* (Кертман, 2000).

Подоплека «особых» симпатий высокообразованных россиян к сербам, по-видимому, во многом та же: респонденты с высшим образованием отчетливее, чем прочие, представляют историю российско-сербских отношений и вместе с тем внимательнее следят за балканскими событиями последних лет. Ведь в советское время идея славянского единства (за исключением позднесталинского десятилетия 1943-1953 гг.) никогда не выдвигалась активно. Поэтому более образованные респонденты были скорее склонны видеть в Югославии «естественного» союзника России на международной арене.

Однако внутривнутриполитические противоречия в Югославии и массовое недовольство С. Милошевичем, приведшее к его поражению, оказались для респондентов абсолютно неожиданными (отсутствие единства делает, по мнению респондентов, народ Югославии легкой добычей Запада). Существовавший в массовом сознании образ маленькой гордой страны, прошедшей через ожесточенные этнические конфликты с соседями и собственными окраинами, сплоченной в своем противостоянии западному диктату и ожидающей помощи от России, никоим образом не предполагал возможности такого развития событий. Отсюда и раздражение по отношению к «вышедшему из образа» народу Югославии, и отсутствие единодушия в вопросе о том, как будут развиваться теперь российско-югославские отношения. Так, 22% опрошенных полагают, что Югославия при В. Коштунице «будет стремиться к большему сближению с Россией», 26% — «к сближению с Западом», и больше половины респондентов не берутся ответить на этот вопрос.

Противоречивость отношения россиян к Югославии и некоторым другим балканским странам (как, впрочем, и многим постсоветским государствам) вызвана еще и тем, что к России были наиболее благожелательно настроены левые силы, поскольку в ней они видели противовес Западу, под-

держивавшему «демократическую» оппозицию (Романенко, Улунян, 2001). С левыми силами и их югославскими и другими балканскими единомышленниками было вынуждено в значительной степени солидаризироваться российское руководство, опасавшееся ярко выраженной односторонне западной ориентации оппозиции в балканских странах и ее стремления как можно скорее присоединиться к НАТО. Для российских левых поддержка Милошевича была органичной, поскольку их геополитическое видение мира основывается на упрощенном, «бинарном» представлении о том, что патриотичную и самостоятельную политику можно вести только противопоставляя Россию Западу, а прозападная политика неизбежно ведет к потере страной независимых позиций в мире. В то же время российское руководство, критикуя западную линию и особенно резко — военное вмешательство НАТО в Косово, осуждало и Милошевича. Подобная двойственность отражалась и на общественном мнении.

В отношении российских граждан к событиям в Косово усматривается не только еще одно свидетельство разрыва в представлениях политической элиты и рядовых людей. Опросы, сделанные в период череды кризисов на Балканах, показали: как ни парадоксально, иногда мифологизировано не столько массовое сознание, сколько представления о нем, сохраняемые политическим классом, который был искренне убежден, что приверженность соотечественников примордиалистским историческим мифам о «братьях-славянах» настолько сильна, что может оказывать реальное воздействие на события.

Представления о ближневосточном конфликте. Особая роль принадлежит в представлениях российских граждан о зарубежном мире Израилю. Эта страна — яркий пример взаимосвязи между меняющимися геополитическими кодами и массовыми представлениями. В течение десятилетий советская пропаганда осуждала Израиль как националистическое и агрессивное государство, разделяющее со своими «заокеанскими покровителями» ответственность за развязывание многолетнего конфликта на Ближнем Востоке, как страну, органически

враждебную СССР и его интересам, убежище «предателей», которые покинули свою социалистическую родину, купленные обещаниями примитивных материальных благ. Их отъезд рассматривался как благо для страны. В периоды эскалации конфликта Израиль усиленно представляли как «сионистское», т.е. в советских терминах фашистское государство. Сама возможность для советских евреев уехать в Израиль питала антисемитизм и дискриминацию.

Нельзя сказать, что в постсоветской России нет следов этой ситуации. Хотя абсолютное большинство респондентов (52%) считают Израиль дружественным государством, эта доля все же меньше средней. 30% опрошенных заявило о своем положительном отношении к Израилю, 56% к нему безразличны, а 8% питают негативные чувства. 5% респондентов высказали негативные ассоциации со словом «Израиль» — «агрессивное государство», «воинственный», «хитрый» народ и др. Для 19% это слово связано с ближневосточным конфликтом — с «воюющей страной», «насилием», «терроризмом», «нестабильностью» и т.п.

Негативные высказывания многократно перекрыты положительными суждениями о трудолюбии, зажиточности, мужестве израильтян. «Благополучие»; «нормально люди живут»; «там хорошая и счастливая жизнь»; «высокий социальный уровень народа»; «богатая страна»; «процветающая страна»; «преуспевающая страна»; «экономические успехи страны за последние 50 лет»; «состоятельная жизнь»; «там люди живут богато»; «страна нормальная, наверное, раз люди стремятся туда, там жизненный уровень выше»; «государство умных людей, решительных и смелых»; «талантливые»; «умеют жить, работать, веселиться».

Наиболее позитивное отношение к Израилю, как и можно было ожидать, у тех, кто привык мыслить более самостоятельно — людей с высшим образованием, лучше адаптированных к нынешней экономической ситуации, с более высокими доходами и намеревающихся на будущих выборах поддержать В. Путина, а не Г. Зюганова. Но даже и в этой, сравнительно небольшой группе (14% всех опрошенных), 39% считают Израиль государством дружественным и столько же — недружественным.

Инерционность образа усиливается от центра к периферии. Недружественным Израиль считают в меньшей степени в

столице (несколько более 50% респондентов), чем на периферии (62%). Примерно четверть населения России и 16% москвичей вообще не думают об Израиле. Такая существенная разница объясняется, видимо, тем, что у москвичей больше родственных, дружеских и экономических связей с израильянами, особенно с выходцами из России.

Значимость старых стереотипов, безусловно, снижается, и социальные представления об Израиле находятся в процессе быстрой трансформации. Заметно сказываются, в частности, новая открытость России и личный опыт, накопленный уже многими миллионами россиян, выезжавших за границу. В самом деле, для 5% респондентов Израиль — страна, в которой живет много родственников, друзей или знакомых, для 9% — место паломничества, туристическая страна с огромным культурным наследием, а для 6% — богатая, экономически развитая страна.

Новый образ Израиля, без сомнения, связан с иммиграцией из России и из других бывших советских республик. Благодаря ей Израиль вошел в ментально освоенное пространство многих людей, а его образ стал человечнее, мягче. Более того, отношение россиян к эмигрантам за последние годы заметно изменилось. Ныне только 18% граждан осуждают бывших соотечественников, оставивших страну: чаще всего это сторонники Г. Зюганова, пожилые люди и лица с низким уровнем образования. 77% эмигрантов не осуждают, и большинство не воспринимают их как «чужих» (табл. 6).

59% ответивших на анкету специального опроса и 80% участников серии фокус-групп, организованных ФОМ в Москве, Петербурге и Воронеже, продолжают рассматривать эмигрантов как людей, близких им по языку, культуре, ментальности. Опрошенные полагают, что эмигранты сохраняют чувства симпатии к стране, в которой они родились, и составляют основу для формирования новой международной социальной общности и дружеских отношений между двумя странами. Хотя 31% респондентов придерживается противоположного мнения, результаты опроса показывают, что идеологической базы для изоляционизма и чувства исключительности в России более не существует. Сложилось общее

понимание того, что в нынешних условиях эмиграция представляет для многих едва ли не единственный способ выжить, улучшить материальное положение, а для специалистов — реализовать свой потенциал и профессиональные знания. Абсолютное большинство респондентов (54%) полагают, что российские власти должны учитывать в своей политике существование в Израиле многочисленной русскоязычной общины (31% разделяет противоположное мнение). Любопытно, что российские граждане склонны переоценивать численность русскоязычных израильян.

Таблица 6

Ответы представителей разных социально-демографических групп на вопрос: «Некоторые осуждают россиян, уехавших на постоянное место жительства в другие страны. Некоторые не осуждают этих людей. А Вы лично осуждаете или не осуждаете россиян, уехавших жить в другие страны?»
(% от числа опрошенных)

Ответы	Все	Голосовали бы за...		Возраст			Образование			
		В. Путина	Г. Зюганова	18 — 35 лет	36 — 50 лет	старше 50 лет	Ниже Среднего	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее
Осуждаю	18	18	31	11	14	28	26	19	13	16
Не осуждаю	77	78	68	85	83	66	67	76	82	83
Затрудняюсь ответить	5	4	1	4	3	6	7	5	5	1

Источник: Российские эмигранты в Израиле. Тема: Израиль. Комментарии к опросу 26 июня — 1 июля 2001 г. (<http://www.fom.ru>).

Очевидное следствие изменений образа Израиля — это также сегодняшнее мнение российских граждан о причинах израильско-палестинского конфликта, ответственности сторон и путях его урегулирования. Взгляды россиян стали более взвешенными. Результаты фокус-групп привели к заключению, что российские граждане объясняют конфликт тремя

причинами. Во-первых, группа участников сводит его к борьбе палестинцев за свои земли, как правило, возлагая вину за обострение конфликта на Израиль. Эти люди считают, что конфликт инспирирует третья сторона, обычно США, но иногда также арабские страны, поддерживающие террористов. Вторая группа объясняет события «извечным» религиозным противостоянием и разделяет участников конфликта на «своих» и «чужих». Большинство из них поддерживают Израиль, причем многие даже уверены, что израильские евреи — христиане. К «своим» они причисляются потому, что Израиль гораздо более экономически развитая, а стало быть, «цивилизованная» страна по сравнению с Палестиной. В глазах россиян, по данным опросов ФОМ, уровень благосостояния служит главным, хотя и далеко не единственным критерием весьма респектабельной «цивилизованности». Наконец, третья группа пытается продемонстрировать равноудаленный подход к сторонам конфликта и не делит их на «цивилизованных» и «диких», мусульман и не-мусульман. Эти люди обвиняют в усугублении ситуации как израильтян, так и палестинцев, используя слова «воинственные» и «мирные» (Кертман, 2001). Личный опыт и происхождение (региональная политическая культура) сказывались на позиции участников фокус-групп: в отличие от москвичей и петербуржцев, большинство жителей Воронежа склонны к поддержке палестинцев.

Отвечая на открытый вопрос, большинство респондентов не выражали однозначных симпатий какой-либо стороне. 39% россиян полагают, что виноваты в равной степени и Израиль, и Палестина, тогда как только Израиль винят 11% и такая же часть — только Палестину.

Эволюция образа Израиля под влиянием СМИ, освобожденных от идеологических оков, и в условиях открытости российских границ оказала значительное воздействие на мнение граждан о применении силы в ходе конфликта. Россиянам довольно хорошо известны текущие события: только 12% граждан, опрошенных в декабре 2001 г., заявили, что ничего не слышали о конфликте, 75% знают о нем, и 64% выразили беспокойство его обострением. К сожалению, большинство

(41%) из тех, кто или ничего не знает о конфликте, или не испытывает никаких эмоций, — молодые люди от 18 до 35 лет. Это явление — часть общей картины: более молодые поколения российских граждан, включая и тех, чье взросление пришлось уже на постсоветские годы, менее образованы, менее информированы и более равнодушны к международным событиям, чем люди старшего возраста.

В полном соответствии с мнением о равной ответственности сторон, 68% опрошенных полагают, что Россия не должна поддерживать в конфликте ни Израиль, ни Палестину (8% склоняются в пользу Израиля и 6% — Палестины). В то же время россияне убеждены, что наша страна как мировая держава должна играть ведущую роль в урегулировании конфликта. Как и в других случаях (Босния, Косово), российское общественное мнение выступает против использования силы для разрешения конфликта. Относительное большинство россиян (44%) думают, что жесткие военные акции Израиля против палестинцев неприемлемы (16% — противоположного мнения, 41% затруднился ответить).

Как показывает пример Израиля, изучение географических образов имеет существенное практическое значение, поскольку приобретает все более прямое отношение к формированию современных геополитических кодов страны: не столько потому, что внешнеполитические проблемы стали больше интересоваться россиян, сколько из-за того, что сам российский политический класс, формируя политический дискурс, далеко не свободен от расхожих стереотипов.

Очевидный «спрос» на антизападнические настроения, вызванный реакцией общественного мнения на исторический проигрыш России в соревновании с Западом в прошлом веке, необходимостью психологической компенсации все более отчетливо проявляющегося снижения международного авторитета страны, сочетается с сознательным отказом от конфронтации с Западом. Анализ географических представлений демонстрирует четкое разделение и почти независимое существование эмоциональной и рациональной компонент представлений россиян о Западе. Эмоциональная компонента практически не транслируется в реальную политику и не может

быть выражена в конкретных политических шагах частично потому, что Россия, в отличие от Советского Союза, не является сверхдержавой, но также и потому, что российские граждане не хотят противостояния Западу. В представлениях многих из них мысль об органической враждебности Западу России сочетается с искренней и глубокой надеждой на хорошие отношения и сотрудничество с ним (Дилигенский, 1997, 2000).

Таким образом, прагматическая составляющая представлений о Западе может быть использована и претворяется в реальную геостратегию. Во взглядах российских граждан проявляются устойчивое стремление к порядку и стабильности как доминирующей общественной ценности, отказ от характерного для российской политики и в XIX, и в XX веках первенства наднациональных приоритетов и идеалов (будь то покровительство православным народам или торжество коммунизма) над национальными интересами, категорическое неприятие вовлечения страны в вооруженные конфликты за ее пределами и связанное с этим стремление к равной удаленности от участвующих в них сторон.

Какие же общие выводы можно сделать из исследования геополитических представлений россиян и их соотношения с внешней политикой страны, ее геополитическими кодами?

Российское обыденное геополитическое сознание: основные черты и соотношение с «высокой» геополитикой

По своему происхождению «низкая» геополитика, которая пережила серьезную трансформацию, явно восходит к советской истории второй половины XX столетия. Тектонические сдвиги конца XX века, конечно, не могли не повлиять на общественное сознание при всей его инерционности. Они существенно улучшили отношение россиян к странам Западной Европы, Израилю и Китаю. Напротив, «вышли из доверия» страны Центральной и Восточной Европы, ухудшилось отношение к мусульманским государствам. Вообще, это чисто постсоветская геополитика, т.е. уже не советская, но в большой степени восходящая к советскому периоду.

Российская «низкая» геополитика основывается на следующих принципах.

1. **Общий позитивный настрой, желание «дружить».** Очевидно, что именно в последнее время произошло заметное улучшение отношения к странам Западной Европы, Китаю, Израилю.

2. **Потребительский вестернизм.** Отношение к Западу как в целом дружественному миру определяется характерным для россиян восприятием стран через уровень жизни, развитие технологий, пригодность для жизни. Ведущую роль в оценках играют отнюдь не нюансы внешнеполитических связей и не идеология. Запад воспринимается как источник различных благ, образец для подражания, объект зависти. Его знают через товары, реже — культуру и историю, а вовсе не через личный опыт (ясно, что в западных странах побывало сравнительно незначительное число респондентов) или идеологическую ориентацию. Отсюда проистекает желание дружить с «таким» Западом — сильным, благополучным и технологически передовым.

3. **Пацифизм.** Общественное мнение в России настроено резко против военных действий, оно не одобряет ни военные акции других государств, ни военное вмешательство России. Отсюда проистекает демонизация НАТО, которое после событий в Югославии стало восприниматься как источник военной угрозы. Российское общество почти единодушно осудило военную кампанию в Косово. Но при этом участие России в военных акциях тоже не получает поддержки: большинство респондентов выступили против военного участия России в Косово и в целом на территории бывшей Югославии.

4. **Антиамериканизм.** Единственной страной, которая воспринимается в качестве действительно недружественной, остались США. В общественном мнении по-прежнему существует антиамериканский комплекс, играющий роль отдушины для выплеска эмоций, связанных со снижением роли России в мире и ее способности противостоять усиливающемуся внешнему давлению. Коллективное сознание постоянно ищет и находит новые доказательства агрессивного и недружественного поведения США в отношении России.

5. **Антиисламизм.** Это новое явление, пока еще не столь распространенное, как антиамериканизм. Однако многочис-

ленные конфликты, возникшие после развала СССР, чеченская война, антикавказские настроения, события вокруг Афганистана и др. стали питательной средой для развития этой фобии. Соответственно, мусульманский мир все чаще воспринимается как чужая, непонятная и потенциально опасная среда, источник угрозы.

6. **Полузападничество.** Общественное мнение проводит дифференциацию «хорошего» и «плохого» Запада. Западничество скорее носит характер *европеизма в сочетании с антиамериканизмом*. Отсюда участвовавшие попытки разделить культурно и географически близкую Европу, определив ее в качестве союзника, и «агрессивную» Америку.

7. **Полуевразийство.** Аналогичная дифференциация происходит и на Востоке, в Азии. Если отношение к исламскому миру ухудшается, то страны Южной и Восточной Азии воспринимаются в качестве друзей, причем чуть ли не самых лучших. Такие страны, как Китай, Корея, Вьетнам, Индия считаются вполне дружественными, в отличие от Ирана и Ирака, которые для многих олицетворяют непонятный, непригодный для жизни и просто опасный мир.

Похожая дифференциация произошла и в представлениях о странах СНГ. Стремление укрепить отношения в рамках СНГ на уровне обыденного сознания тоже носит половинчатый характер: и здесь сказывается раскол «Запад — Восток». Поэтому россияне предпочитают интегрироваться с наиболее близкими «западными» странами — Украиной, Белоруссией, Молдавией, но испытывают смешанные чувства в отношении республик Закавказья и Центральной Азии.

Обыденная геополитика, как было уже показано ранее (O'Loughlin and Kolossov, 2002), плохо соотносится с многочисленными геополитическими теориями, бытующими в России. Каждую из этих теорий можно легко протестировать, сделав выводы о ее адекватности массовым настроениям.

Во-первых, **неоевразийство как геополитическая доктрина, обосновывающая союз славян с тюрками и православных с мусульманами, выглядит явно «непроходной».** В отличие от радикальных евразийцев, выступающих за укрепление отношений России с исламским миром и особенно носителями

исламского фундаментализма, на уровне массового сознания доминирует стремление отделиться прочным барьером от исламского мира и исходящих от него опасностей.

Во-вторых, **панславизм и доктрина объединения православных народов также выглядят оторванными от жизни и современных реалий.** Оценивая события в Косово, россияне предпочитали возлагать вину на обе стороны — албанцев и сербов. Их настроения не шли ни в какое сравнение с теми, которые бытовали в дореволюционной России. Проявление симпатии к сербам возникло по другим причинам — в результате бомбежек Югославии НАТО, которые расценивались как несправедливость. Но это были симпатии к ним как к пострадавшей стороне, а не к «православным братьям».

Вообще массовое сознание практически не воспринимает **российские геополитические доктрины, основанные на принципах культурной близости или культурного альянса.** Принадлежность к православному миру практически не является критерием определения страны как дружественной: наши предки из дореволюционной России были бы искренне удивлены, увидев таблицу нынешних предпочтений россиян. Свою роль в этих изменениях сыграли сдвиги в национальной идентичности в советское время, за которыми последовал нынешний ее кризис.

В результате сложилась совершенно иная система критериев, по которым страна оценивается в качестве дружественной или недружественной:

- социально-экономический успех, делающий ее объектом для подражания на фоне разрушенной российской экономики;
- отсутствие угрозы, «безопасность», что подразумевает отсутствие территориальных претензий, «позитивный» опыт прошлых отношений, желательно — удаленность от российских границ;
- устойчивые советские стереотипы, пропагандистские клише, укоренившиеся в массовом сознании.

Идеологизированная геополитика не стимулирует постсоветскую переоценку ценностей. Все современные геополитические доктрины выглядят как кабинетные теории, которые просто неизвестны широкой публике — они не вызывают ни общественного интереса, ни дискуссий.

Западная ориентация как геополитическая доктрина не является исключением. Российские граждане не приемлют односторонне западной политики, прочно ассоциируя ее с потерей инициативы и самостоятельности на международной арене, чему, надо сказать, немало способствовал прессинг западного сообщества, усиливавшегося по мере того, как обнаруживалось, что у России нет достаточных внешнеполитических ресурсов для адекватного и «цивилизованного» ответа. Российское западничество в значительной степени носит потребительский характер. В нашей «низкой» геополитике нет четко выраженных градиентов «Запад — Восток» и «Север — Юг», она считает союзниками и Финляндию, и Вьетнам, опасаясь и США, и Ирака. Обыденные геополитические представления россиян чем-то ближе к концепции балансирующей равноудаленности К.Сорокина, хотя и понятой на чисто бытовом уровне (Сорокин, 1996).

В двойственности представлений, свойственной российской «низкой» геополитике, усматриваются типичные черты взгляда на мир полупериферийной страны или страны догоняющего развития. Это, во-первых, гипертрофия собирательных образов «Запада» и «Востока», отражающая извечные колебания между реформаторами и консерваторами-фундаменталистами. Во-вторых, «комплекс забытого союзника», особенно явственно выявившийся в результате разочарования России отсутствием каких-либо шагов навстречу ее позициям с американской стороны после 11 сентября. В-третьих, периодически раздававшиеся из Москвы угрозы создать некую коалицию в противовес американскому влиянию, иначе говоря, заключить союз со странами-«изгоями», наряду с постоянной критикой американской массовой культуры, «дискоотечной ментальности» и недостаточной духовности, претензиями на особую самобытность и апелляциями к историческому прошлому и богатому культурному наследию. Все это уже давно знакомо. По сей день эти черты «полупериферийного» коллективного сознания и политического дискурса можно в разных сочетаниях наблюдать в таких странах, как Турция, Греция, Египет, а также в Латинской Америке. Это часть, по выражению С.Хантингтона (с которым трудно полностью согласиться), геополитического видения «из

прицепного вагона», когда страна пытается войти в западное сообщество, а ее история, культура и традиции общества органически незападные (Huntington, 1996). Поиски страной своего нового места в мире после революционного потрясения и распада империи тоже не новы (Bilgin, 2002).

В сущности, геополитическое мышление россиян находится на примитивном уровне и не является результатом какой-либо общенациональной дискуссии. Скорее, это набор очень простых стереотипов, многие из которых восходят к советскому периоду (индийский, финский, антиамериканский), а другие родились недавно (китайский, антиисламский). Упрощенная «низкая» геополитика является своеобразным парадоксом большой страны. Малое государство с простым геополитическим положением обычно четко знает своих друзей и врагов, его население впитывает азы геополитики с молоком матери. Россия как большая страна плохо знает географию, путается в истории и предпочитает оперировать простыми образами, которые легко создаются с помощью пропаганды. Но дело здесь и в том, что Россия переживает период системного кризиса, когда, в частности, на геополитический переход от советской эпохи наложился еще и переход от мобилизационного общества к зачаткам гражданского, от идеологизированной внешней политики — удела немногочисленной высшей элиты — к публичным дискуссиям.

В этой связи особенно интересен вопрос о соотношении «низкой» и «высокой» геополитики в нашей стране. Внешняя политика практически стала едва ли не единственной крупной областью общественной жизни, в которой был достигнут консенсус (при всех существенных оговорках, связанных с отсутствием четко артикулированных внешнеполитических интересов разных общественных сил, незрелостью гражданского общества и т.п.). Как показывают результаты социологических исследований, большинство россиян положительно оценивают внешнюю политику страны при В.Путине, которая даже стала предметом своеобразной гордости. Еще в 1997 г. 46% респондентов считали, что лидеры государства предают национальные интересы. Два события изменили это представление: сначала назначение премьер-министром страны Е.Примакова,

затем — приход к власти В.Путина. Участники фокус-групп теперь заявляют, что В. Путин, в отличие от Б. Ельцина, достойно представляет Россию. Правда, более внимательный анализ высказываний респондентов на фокус-группах показывает, что для многих важна внешняя, протокольная сторона: как президент выглядит, как его принимали и т.п. Как бы то ни было, **эффективная внешняя политика стала одним из краеугольных камней в положительном образе В.Путина.**

Сравнительный анализ показывает, что в целом внешняя политика В.Путина неплохо соответствует общественным ожиданиям.

Во-первых, **сама внешнеполитическая активность смотрится очень позитивно.** «Работать» с другими странами теперь несложно, учитывая общий настрой россиян, их отношение к большинству стран как к дружественным. Поэтому риск поддаться «не с теми» и потерять в глазах общественного мнения минимален. Активность России «по всем азимутам» сама по себе способствует «конвергенции» обыденной и «высокой» геополитики.

Во-вторых, **активные контакты на Западе не вызывают отторжения.** Предыдущие исследования показывают, что главным по интенсивности внешнеполитических и торговых связей партнером России стала Западная Европа. Европеизм российской геополитики даже усилился после событий 11 сентября. В целом он совпадает с общественными ожиданиями.

Неплохое совпадение «высокой» и «низкой» геополитики отмечается и в частном случае с Германией. Именно Германия стала первой страной, которую посетил российский президент после событий 11 сентября. Да и вообще Путина традиционно «подозревают» в «германской ориентации», которую он подтвердил, произнеся в бундестаге речь на немецком языке. Выбор России в пользу Германии как объективно наиболее сильного европейского партнера, располагающего мощным экономическим ресурсом и разветвленными интересами в России, обусловлен множеством факторов. Учитывая в целом положительное отношение россиян к этой стране, **выстраивание оси «Москва — Берлин» является ожидаемым и адекватным с точки зрения обыденной геополитики.**

Другим моментом совпадения путинской геостратегии и общественных ожиданий является заметная **диверсификация контактов России с Западом.** Ее свидетельством стали визиты В. Путина в Италию, Испанию, Швецию, Австрию, Грецию, Бельгию, явное усиление взаимодействия России и Канады. Для российского общественного мнения все это — примеры «хороших» западных государств. Географическое разнообразие европейских визитов В. Путина соответствует и представлениям россиян о некоей особой активности президента на международной арене, и их оценке всех этих стран как дружественных.

В то же время сложности, постоянно возникающие в отношениях между Россией и США, также соответствуют и «высокой», и «низкой» геополитике одновременно. Здесь можно говорить о своеобразном «негативном консенсусе» российского общества и элиты, по крайней мере, на уровне публичной политики. Создание российско-американского антитеррористического альянса после событий 11 сентября совпало с всплеском симпатий к США как пострадавшей стране. Однако и альянс, и симпатии оказались непрочными, что привело к восстановлению статус-кво.

Отсутствие четкой позиции в отношении стран Центральной и Восточной Европы подогревает известную подозрительность в отношении сложившихся там политических режимов.

Таким образом, **расстановка приоритетов на «западном фланге» в первом приближении выглядит достаточно правильной с точки зрения общественного мнения.** Создание более теплых и тесных отношений с западноевропейскими государствами является сегодня единым приоритетом и «высокой», и «низкой» геополитики. Многочисленные опросы показывают, что **российскому общественному мнению по внешнеполитическим проблемам чужды крайности.** К середине 90-х годов в российском обществе ослабели как жестко конфронтационное антизападничество, так и однозначно прозападная ориентация. Крайние позиции выбраковывала сама жизнь: всем стало очевидно, что для противостояния Западу у России просто нет сил. После прихода к власти В. Путина заявленный значительно ранее прагматизм, ориентация на отстаивание собственных интересов стали «символами веры» (Кандель, 2001).

Отказ от крайностей связан и с другим характерным для «обеих» российских геополитик явлением: заинтересованностью в откладывании разрешения региональных конфликтов вблизи границ России. Ведь принятие определенных решений, например, по Нагорному Карабаху, Абхазии или Приднестровью означает и политический, и идеологический выбор: это вопросы не только внешней, но и внутренней политики, российской политической идентичности. Кроме того, выступая в роли миротворца и посредника, но не принимая окончательных решений по ликвидации конфликтов «малой интенсивности», Россия сохраняет больше возможностей для политического маневра и на региональном, и на глобальном уровнях. Аналогичным образом радикальное и однозначное разрешение противоречий в отношениях с мировыми державами в нынешних условиях может оказаться убыточнее и опаснее их сохранения (Кандель, 2001).

Однако в деталях совпадение между «низкой» и «высокой» геополитикой оказывается далеко не полным. Из крупных государств явный лидер российских симпатий на европейском континенте — Франция, с полным основанием названная психологами в психоаналитических терминах либидозно-влекущей для россиян (Петренко и др., 2000). Такое восприятие имеет давнюю историю, начиная с широко распространенной моды на Францию в дореволюционной России и заканчивая советской геополитикой, в которой Франция представлялась если не вероятным союзником СССР, то по крайней мере не самой «плохой» западной страной. На завершающем этапе ельцинского правления Россия активно выстраивала треугольник Москва — Берлин — Париж, что соответствовало и ее «низкой» геополитике. Однако при нынешнем президенте ставка была сделана на Лондон, началось активнейшее развитие отношений с Т.Блэром, превратившимся в одного из самых близких партнеров российского руководства. В то же время на уровне обыденной геополитики распространено недоверие к Великобритании, которую население ощущает в качестве наименее дружественной европейской страны. Напротив, интенсивность правительственных контактов с Францией существенно упала. Таким образом, *если российские граждане явно*

предпочитают Париж Лондону, то на уровне «высокой» геополитики был сделан противоположный выбор.

Определенное несовпадение двух «геополитик» существует и в отношениях с США. Понятно, что Россия не может позволить себе следовать за антиамериканскими настроениями в обществе и допускать какие-либо выпады против этой страны — так можно ненароком попасть в очередную «ось зла». Поэтому российское руководство не может пренебречь отношениями с США, должно их развивать, избегая критических ситуаций. В принципе так оно и делается. В то же время в информационном пространстве российское руководство не выглядит проамериканским, что способствует определенному успокоению.

Совпадения и несовпадения проявляются и на «азиатском фронте». Развитие отношений с Китаем и геополитическая игра между ним и США стали неотъемлемым элементом российской внешней политики. При этом на уровне общественного мнения сложилось очень позитивное отношение к Китаю. Его экономические успехи произвели огромное впечатление на российское общество, стали примером успешных реформ, результаты которых активно рекламировались у нас в стране. Когда к этому добавились активные внешнеполитические контакты, произошел своеобразный кумулятивный эффект. Причем «дальневосточные» антикитайские фобии не распространяются на основную часть российского населения. **Разворот России лицом к Китаю оказался одновременно востребован на уровнях «низкой» и «высокой» геополитики.** Хотя в одном случае это просто симпатии к интенсивно развивающейся стране, а в другом — сложная геополитическая комбинация.

Треугольник Москва — Пекин — Дели, о котором в свое время говорил Е.Примаков, тоже очень хорошо вписывается в ожидания россиян. В принципе россияне предпочитают Дели Пекину, хотя на уровне реальной политики в 1990-х гг. это не всегда было так. Геополитические реалии все же заставляют Россию сближаться именно с Пекином, не забывая, впрочем, и об Индии. Более того, после 11 сентября контакты России и Индии стали более интенсивными, свидетельством чему стал

продолжительный визит премьер-министра А.Б.Ваджпай в нашу страну.

Общественным ожиданиям соответствует и политика российского руководства, направленная на восстановление связей со старыми советскими партнерами. Эта политика позволила подыграть ностальгическим настроениям и имела хороший эффект. Если при Б. Ельцине «высокая» геополитика России воспринималась «низкими» как прозападная, то серия визитов В. Путина на Кубу, в Северную Корею, Вьетнам была воспринята как свидетельство сбалансированной линии. Это и стало поводом для выросшей популярности «высокой» геополитики на уровне массового сознания (по крайней мере, в том виде, как она преподносится СМИ).

В то же время геополитические игры России в исламском мире являются менее понятными для общественности. Эта часть Евразии вызывает все большие опасения. Нельзя сказать, что общество выступает против контактов с такими странами, как Иран и Ирак, да и их интенсивность не столь велика, как кажется. Но сделать российскую политику на Ближнем и Среднем Востоке популярной очень сложно, а попытки «дружить» с определенными странами потребуют веских доказательств. Впрочем, в отношении ряда стран исламского мира сложился своеобразный «негативный консенсус». Так, очень слабо развиваются внешнеполитические связи с такими странами-лидерами, как Турция и Саудовская Аравия, которых к тому же традиционно подозревают в недружественной по отношению к России политике на Кавказе. Есть все основания полагать, что и «низкая» геополитика отторгает их в качестве российских союзников.

Можно также заметить определенный диссонанс между политикой России в постсоветском пространстве и общественными ожиданиями. Интеграционные усилия российского руководства стали заметными в последнее время, причем они распространяются практически на все постсоветское пространство. Однако отношение к странам СНГ на уровне «низкой» геополитики сильно различается. Большинство приветствуют сближение с Беларуссией, Украиной, Казахстаном и Молдавией. И здесь действительно наметились позитивные сдвиги: связи

с Украиной при В. Путине стали заметно прочнее, чем прежде, улучшились отношения с Молдавией после смены власти в этой стране. На западном фланге СНГ «высокая» и «низкая» геополитика сегодня отлично совпали.

Однако геополитическое маневрирование России в Закавказье и особенно в Центральной Азии выглядит оторванным от запросов «низкой» геополитики. Здесь требуется очень четкое обоснование необходимости этих связей для обеспечения национальной безопасности России, в противном случае власти рискуют столкнуться с непониманием. Например, интенсивное взаимодействие с Таджикистаном может быть важным для удержания российских позиций в регионе и хорошо вписывается в контекст российско-китайских отношений, но для простых россиян эта страна ассоциируется с наркомафией и нищетой, не вызывая положительных эмоций. Значительная часть россиян предпочла бы отгородиться от таких стран «китайской стеной», а не работать над укреплением отношений в рамках известной «пятерки» (Россия, Беларуссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) и возникшего на ее основе Таможенного союза.

Сильный потенциальный вызов относительной гармонии между «низкой» и «высокой» геополитикой исходит от уже давно и отчетливо выявившихся в Европе, а теперь постепенно пробивающих себе дорогу и в России тенденций к регионализации на двух уровнях — макрорегиональном (наднациональном) и внутрисоюзном (субнациональном).

Формирование новых межгосударственных и трансграничных объединений — таких, как Черноморская Ассоциация экономического сотрудничества, Северная инициатива, организации балтийских государств, в принципе способствует постепенной интеграции России и ее отдельных регионов в общеевропейские структуры, может стать альтернативой возникновения на ее западных рубежах нового «железного (или «бумажного») занавеса», повысить инвестиционную привлекательность приграничных субъектов РФ. Несмотря на наличие объективных предпосылок для «регионального строительства» (например, необходимости решения общих экологических проблем), новые трансграничные регионы, как правило, представляют собой искусственные, «ментальные» конструкторы, со-

здаваемые в ходе политического дискурса в определенных интересах. Как писал И. Нейманн, в таких случаях есть политические силы, которые «усматривают свой интерес в создании воображаемой пространственно-временной идентичности для региона и распространении ее среди как можно большего числа людей» (Neumann, 1999).

Ключевой вопрос в «региональном строительстве» — «who is in, and who is out?» (кто внутри, а кто снаружи), т.е. кого авторы данного политического проекта хотят оставить за бортом новой группировки, а кого включить в нее, каковы их геополитические интересы и цели. Если даже, казалось бы, самые очевидные географические факторы им противоречат, то такие факторы игнорируют. Так, в регион Евро-Средиземье, проект которого лелеет ЕС, не включают Ливию, хотя эта страна, как известно, вполне средиземноморская. Естественно, немало региональных проектов направлено на то, чтобы обойти Россию, снизить ее влияние. Не исключено, что геополитическое видение жителей российских регионов, которые почувствуют заинтересованность в реализации трансграничных интеграционных проектов (например, Калининградской или Мурманской областей), может в будущем заметно отличаться от общенационального, а их «обыденная» геополитика — от «высокой» государственной.

В этом же направлении может действовать тенденция к укреплению самостоятельности российских регионов (субнациональная регионализация). Хотя в последние годы наблюдается скорее новая волна централизации, многие субъекты РФ, как и части многих других федеративных государств, постепенно превращаются в достаточно самостоятельных игроков на международной арене (Makarychev, 2000).

Подводя итог, можно заметить, что в сегодняшней России нет катастрофического разрыва между «высокой» и «низкой» геополитикой. Противоречия были гораздо сильнее при Б. Ельцине, но В. Путин сумел их сгладить. Есть целый ряд принципиальных моментов, по которым элита и общество «совпали». Прежде всего это — развитие европейского (и в частности, германского) направления в сочетании с выстраиванием треугольника Москва — Дели — Пекин. Можно говорить о том,

что отношения между «высокой» и «низкой» геополитикой, наконец, устоялись и после десяти лет поисков приведены к общему знаменателю. Общество и элита подталкивают друг друга к выработке такой модели внешней политики, которая была бы приемлема для всех. Общественное мнение в целом выступало в качестве сдерживающего фактора, не позволяя, например, занимать проамериканскую позицию.

И все же расхождения сохраняются. Российское руководство не может культивировать антиамериканизм, поскольку это опасно для и без того не самых стабильных отношений с США. Несколько необычно воспринимается обществом резкое улучшение отношений с Великобританией. Сдержанной является реакция на усилия, предпринимаемые Россией в исламском мире, включая его постсоветский фрагмент. Нельзя забывать о том, что российское общество в целом против активного, особенно военного, вмешательства России в урегулирование «чужих» международных конфликтов. Впрочем, ни одно из этих расхождений пока не нарушает общего восприятия «высокой» геополитики как адекватной интересам страны и общества.

Очевидно, что нынешняя власть заинтересована в том, чтобы сделать свою внешнюю политику популярной. Многие визиты В. Путина были срежиссированы таким образом, чтобы подыграть общественным настроениям. В одних случаях это была игра на ностальгии по советскому прошлому (Куба, КНДР, Монголия, Вьетнам), в других акцентировалась православная солидарность, хотя к ней общество уже не так чувствительно (Греция). В свое время знаменитый «разворот» Е.Примакова над Атлантикой тоже прекрасно резонировал с растущими антиамериканскими настроениями.

Таким образом, общественное мнение, безусловно, влияло на геостратегический выбор. Другое дело, что в этих случаях более низкой оказывалась реальная эффективность визитов для двусторонних отношений, поскольку преобладала «показная» сторона. Впрочем, там, где по каким-то причинам две «геополитики» не совпадали, а необходимость в проведении определенной российской линии существовала, «высокая» геополитика была хорошо подретуширована, чтобы не вызвать

напряженности в обществе. Ясно, например, что России выгодно и часто просто необходимо участвовать в разрешении «неприятных» международных конфликтов на наших южных рубежах, нужно вести постоянный диалог с США и т.п. Все это нуждается в особых формах представления в информационном пространстве, чтобы хотя бы виртуально соответствовать ожиданиям общественности. Российскому руководству, безусловно, нужно «сшивать» разрывы между «высокой» и «низкой» геополитикой, а также делать выбор между популярностью и эффективностью своих шагов на международной арене. Впрочем, это уже обычная задача любого государства. Другое дело, что побороть «геополитический пессимизм» российские власти еще не смогли, и решение этой задачи потребует долгой кропотливой работы, так же как и формирование изрядно подпорченного имиджа самой России во внешнем мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение образов стран в представлениях рядовых граждан способствует принятию правильных государственных и корпоративных решений в различных ситуациях (при выборе стран-партнеров в бизнесе, направлений внешней политики, ориентиров для развития). Кроме того, оно может стать одной из основ активизации работы по формированию образа России за рубежом. В ходе следующих в развитых странах волн информационных кампаний рядовые граждане получают о нашей стране преимущественно негативную информацию. В итоге о ней сложились устойчивые представления как о стране глубоко коррумпированной, опасной не только для нормального бизнеса, но и просто для физического выживания, население которой поражено имперским комплексом великодержавности и может в любой момент привести к власти диктатора или политического авантюриста. Согласно этим представлениям, Россия — источник постоянной угрозы демократии и геополитической стабильности. Западу, следовательно, не остается иного выхода, кроме как всеми средствами защищать соседние страны от российского неоимпериализма, способствовать сокращению их связей с Россией, по мере возможности пытаться учить ее основам цивилизованного существования или же изолировать в интересах всего мирового сообщества. Столь негативный имидж — значимый фактор неблагоприятного инвестиционного климата в России, препятствие для ее интеграции в европейские структуры, развития на новой основе отношений с бывшими социалистическими странами и советскими республиками, и т.д. Поэтому инфор-